

— Конечно, если потеешь, то запах будет неприятным, — не удержался Шао Цихань, закатив глаза. Обхватив руками талию Мужун Цзю, он потянул за пояс его брюк, пытаясь снять их, но тот, словно гора, неподвижно сидел на краю раковины, и все усилия Шао Цихани оказались тщетны.

— Дорогой, не мог бы ты немного приподняться? — Подняв голову, Шао Цихань с дружелюбным выражением лица обратился к Мужун Цзю, хотя в его голосе уже явно чувствовалась доля раздражения.

Мужун Цзю послушно слегка приподнялся, оторвавшись от прохладной плитки, и с растерянным видом спросил:

— А я ведь не потею. Ты часто потеешь?

Только тогда Шао Цихань окончательно понял, что Мужун Цзю всё ещё находится в состоянии опьянения. С горькой усмешкой он продолжил снимать с него брюки, отвечая:

— Да, я часто потею.

— Поэтому у тебя воняют ноги? — Мужун Цзю с упорством, достойным ребёнка, продолжил задавать вопросы, будто превратился в настоящего дурачка.

— Да, да... — Шао Цихань встал, небрежно бросая ответ, и отступил на пару шагов, чтобы оценить результат своих усилий — Мужун Цзю, одетого только в серое шерстяное бельё. — Ладно, остальное ты снимешь сам. Я пойду?

Это предложение, видимо, оказалось слишком сложным, и Шао Цихань получил возможность наблюдать, как пьяный Мужун Цзю пытается его осмыслить.

Сначала Мужун Цзю никак не отреагировал на вторую часть фразы, казалось, он всё ещё был погружён в размышления о связи пота и запаха ног. Прошло около полуминуты, прежде чем он медленно нахмурился.

Мужун Цзю, наклонив голову набок и положив руки на бёдра, с глубокой растерянностью уставился на Шао Цихани. Ещё через минуту, словно наконец поняв сказанное, он постепенно разгладил морщины на лбу и выпрямил голову, точно выровняв её под углом в девяносто градусов.

Шао Цихань с интересом наблюдал за этими изменениями, испытывая облегчение.

Кажется, даже в пьяном состоянии А Цзю всё ещё понимает, что я говорю!

Ободрённый этой мыслью, Шао Цихань хлопнул в ладоши и приготовился уйти. Честно говоря, он тоже успел изрядно испачкаться, и запах, исходящий от него, был далеко не самым приятным.

И, если уж начистоту, глядя на Мужун Цзю, его сердце бешено заколотилось.

Толстый слой белья, конечно, скрывал всё тело Мужун Цзю, но, как бы оно ни было плотным и тёплым, это всё же тонкая ткань, которая не может сравниться с пуховиком. Поэтому все изгибы и линии тела Мужун Цзю были отчётливо видны Шао Циханю.

Не говоря уже о выступающих ключицах и ступнях, которые, хотя и не были чем-то запретным, заставляли сердце Шао Цихани бешено стучать.

Он сглотнул, едва не бросившись в бегство из ванной.

Но Мужун Цзю, превратившийся в настоящего дурачка, успешно остановил его.

— Ты уходишь? — Внезапный крик, раздавшийся сзади, заставил сердце Шао Цихани на мгновение остановиться. Он обернулся и увидел, как Мужун Цзю, словно тигр, бросается на него.

— Что ты делаешь? — Шао Цихань, упав на пол, уставился на Мужун Цзю мёртвыми глазами, чувствуя, как его голова ударяется обо что-то твёрдое. Боль была настолько сильной, что слёзы готовы были брызнуть из глаз. — Ты с ума сошёл!

— Ты уходишь! — Мужун Цзю был ещё более настойчив. Он изо всех сил сжимал щёки Шао Цихани, горячие слёзы капали на его лицо, стекая в нос и рот. — Не уходи... Ты остался единственным... Что я буду делать без тебя!

Шао Цихань, конечно, не мог понять, о чём плачет Мужун Цзю. Голова кружилась, уши звенели, а вес мужчины, давящего на него, почти не давал дышать. Собрав всю волю, он напряг мышцы живота и сел, наконец избавившись от ужасного состояния, граничащего с потерей сознания.

Мужун Цзю всё ещё крепко держал Шао Цихани, вытирая о него свои слёзы и сопли, и его когда-то чистое бельё теперь было испачкано.

— Папа меня не любит, мама бросила, дедушка тоже не мой, она меня не любит, теперь ты остался единственным... — Мужун Цзю, словно знаменитый персонаж из сказки, рыдал, рассказывая о своих бедах.

— Я... — Шао Цихань, наконец переведя дух, понял, о чём говорит Мужун Цзю. Сидя на полу, прислонившись к стене, он слабо произнёс:

— Никогда тебя не брошу...

— Правда? — Хотя мозг Мужун Цзю явно был не в порядке, слух у него оставался превосходным. Услышав то, что хотел, он быстро отреагировал, медленно отпуская руку Шао Цихани и с подозрением глядя на него сквозь слёзы.

Что за чёртовщина!

— Правда! — Шао Цихань внутренне вздохнул, но без колебаний поднял руку и поклялся:

— Шао Цихань никогда не оставит Мужун Цзю.

Мужун Цзю снова сосредоточенно уставился на твёрдую руку Шао Цихани, закусив губу и замолчав.

Шао Цихань держал руку вверх до тех пор, пока она не начала неметь, а решимость в его глазах, словно у героя, готового на подвиг, постепенно исчезала. С досадой он опустил руку, думая про себя: «Зачем я это пьяному А Цзю клянусь? Он всё равно ничего не поймёт!»

Едва он опустил руку, как Мужун Цзю поднял свою.

— Давай мизинчики! — Мужун Цзю смотрел на Шао Цихани влажными глазами, и его выражение явно говорило: «Я тебе так просто не поверю».

Шао Цихань смотрел на изогнутый, чётко очерченный мужской мизинец перед собой и чувствовал себя полным идиотом.

Что за чёрт вообще происходит! А!

Мужун Цзю... Как он мог превратиться в такое после выпивки!

Шао Цихань смотрел на Мужун Цзю, чьи большие глаза были полны слёз, и над его головой пролетела стая ворон.

— Мизинчики, клятва навеки... — Мужун Цзю надул губы, повторяя слова, и казалось, что слёзы вот-вот хлынут снова.

Шао Цихань, видя, что терпение Мужун Цзю на исходе, поспешно поднял руку, которая только что произносила клятву, и согнул мизинец:

— Хорошо! Мы... мы... мизинчики, клятва навеки...

Мужун Цзю наконец улыбнулся сквозь слёзы. Он небрежно вытер слёзы и с радостью обвил свой мизинец вокруг мизинца Шао Цихани:

— Ты всегда будешь рядом со мной, мизинчики, клятва навеки, сто лет не изменится!

При этом он покачивал рукой, пытаясь завершить ритуал.

Но рука Шао Цихани оставалась неподвижной, и Мужун Цзю тоже перестал двигаться. Снова нахмурившись, он с возмущением спросил:

— Почему ты не двигаешься?

Шао Цихань с трудом сдерживал смех, его лицо приняло странное выражение. Он с улыбкой спросил:

— Если я всегда буду рядом с А Цзю, то А Цзю выйдет за меня замуж?

Мужун Цзю сначала задумался, затем наклонил голову и с недоумением сказал:

— Но я мужчина, как я могу выйти за тебя замуж?

— Ну и что, — Шао Цихань продолжил подстрекать:

— Скажи мне, А Цзю, хочешь ли ты выйти за меня замуж?

Мужун Цзю нахмурился, закусил губу, но не отпуская мизинец Шао Цихани.

— Если А Цзю не хочет, я уйду и больше не буду о тебе заботиться, — Шао Цихань, держа в руке сладкий финик, ударил пьяного Мужун Цзю по голове, что было весьма нечестно.

Мужун Цзю тут же заволновался, схватил другую руку Шао Цихани, которая «пыталась» высвободиться, и быстро заговорил:

— Хочу, хочу! Не уходи!

Шао Цихань внутренне ликовав, решив бросить сладкий финик в рот Мужун Цзю. Он кивнул:

— Хорошо, если А Цзю хочет выйти за меня замуж, я всегда буду рядом и никогда не оставлю.

<http://bllate.org/book/15114/1335698>